

Новая газ. - 2002. - 16-18 сент. (и 68). - с. 23.

— Так совпало. Во-первых, 80-летие российского джаза. 1 октября 1922 года состоялся первый джазовый концерт в Москве. Узнав о нэпе, наивный поэт-тусовщик Валентин Парнах вернулся из Парижа на родину, думая, что тут началось светлое будущее человечества. Он привез с собой диковинку — саксофон — и рассказал о джазе, который тогда только появился в Европе. В концерте Парнаха было много эксцентрики и пантомимы, один из номеров назывался «Жирафовидный истукан». Это было в духе времени: нэп, футуризм, светлое будущее, свобода творчества. Никто не подозревал, что через много лет, во время холодной войны, джаз будет приравнен советской властью к идеологическому оружию, к чему-то вражескому. Я-то рос именно в такой обстановке. У музыкантов моего поколения не было ни настоящих инструментов, ни нот, ни пластинок, ни помещений для репетиций, ни возможности выступать официально.

А тридцать лет назад, в 1972 году (и это второй юбилей), в Москве я впервые проделал эксперимент, с тем чтобы сыграть джаз-рок. У нас никто его тогда не играл. Были подпольные группы, на слух играли кто под Боба Диллана, кто под Deep Purple, кто под Led Zeppelin. Мне к тому времени было уже под сорок, я был профессионалом, джазовым авангардистом — и вдруг открыл для себя прелесть рок-культуры, прогрессив-рока, сложного рока, таких групп, как Emerson Lake & Palmer, King Crimson, Pink Floyd, Soft machine, Air Force и так далее.

— А вы не боялись, что будете своим среди чужих, чужим среди своих?

— Я на это пошел! И стал им! Но у меня не было другого выхода. Мне к тому времени поднадоело играть стандарты американской музыки один к одному. И самое главное, я увидел в этом новом направлении полную свободу — я мог начать создавать что-то свое, а в традиционном джазе, как ни вертись, все равно ты должен играть либо как Чарли Паркер, либо как Джон Колтрейн, но лучше их уже ничего не сделаешь.

— И потом у вас было много экспериментов с «Арсеналом»?

— Да, было восемь составов. Все время я искал разные подходы, и что-то мне удалось найти. В конце концов возник, как мне кажется, свой стиль «Арсенала».

— А как к вам относятся в среде джазменов?

— Те, кто без комплексов, относятся нормально, а есть и недоброжелатели. Это — свойство психологии. Им никто не нравится, кроме тех, у кого все плохо. Есть и недоброжелательные журналисты, так же как и музыкальные критики, которыми движет подчас чувство неполноценности. Отсюда и качество околджазовой журналистики.

— Я думаю, дело не в ревности. Просто аудиторию привлекают.

— Да, приучили публику к чему-то такому нехорошему. Патология стала одним из главных принципов добывания рейтинга.

— Хорошо, если бы решили создать цензурный комитет или худсовет какой-нибудь и вам бы предложили в него войти...

— Обязательно! Он должен быть. Он существует во всех цивилизованных странах.

— А как быть с демократическими принципами?

— У нас сложилось идиотское мнение, что запрещать порно, пошлость, извращения — это нарушение свободы. А для тех, кто все это не приемлет, — как им быть? Ведь при этом нарушается их свобода восприятия. Кто защитит права большинства нормальных людей, живущих по вековым духовным традициям? А сейчас дело дошло до того, что не хочется включать телевизор, а то нарвешься на безграмотную речь, наглость и вранье, жестокость и чернуху. Кто-то должен охранять меня от этого! Сейчас у нас, не то стихийно, не то преднамеренно, государством поддерживается всякая чернуха. У системы нет стержня.

— Когда советская система рухнула и не с кем стало бороться, что произошло с чувством драйва — не музыкального, а жизненного?

— Абсолютно то же самое! Абсолютно! Это презрение к жлобу. Что

Алексей КОЗЛОВ, знаменитый «Козел на саксе», живая легенда нонконформизма, саксофонист, композитор, создатель российского джаз-рока, стилиста, хиппи, бэнд-лидер группы «Арсенал», своим концертом в ГЦКЗ «Россия» планирует отметить двойной юбилей...

Огньского и «К Элизе» Бетховена. Время конца 60-х было уникальным в истории XX века. Тогда произошел творческий взрыв во всех видах искусства. Причиной этого была крайне напряженная политическая обстановка во всем мире. Война во Вьетнаме, холодная война, противостояние двух политических систем, расизм в США, кровавые разгоны студенческих демонстраций и маршей против ядерного оружия во многих странах, расправы с диссидентами в СССР. Как следствие — молодежный протест, поколение хиппи, новые левые, возросший интерес молодежи к религии и духовным ценностям, рок-культура, фьюжн. Но к 75-му году все уже успокоилось. Появилось новое поколение беззаботной молодежи. Началась эпоха диско.

— То есть время «не протеста» — заведомо — время застоя?

— К сожалению, появление настоящего искусства, чего-то нового связано с конфронтацией между поколениями и между системами. С тех пор как Берлинская стена была сломана, в искусстве не произошло практически ничего принципиально нового. Были только всплески — это хип-хоп в Америке, а также английские панки, которые протестовали против дискотечной и вообще всякой поп-культуры. Но их тут же раскупили, появился постпанк, «новая волна», и панк стал коммерческим. Вместе с постпанком вышла на поверхность музыка рэггей с Ямайки, а также и электропоп. После начала 80-х годов в мире уже почти за двадцать лет практически не было создано нового стиля. Есть новые названия — Acid Jazz, Jungle, Drum-n-bass т.д., — но это лишь названия, а не стили, и самое главное — новые виды технологий, внедрение секвенсоров, внедрение совершенно новых сочетаний диджеев с фонограммами.

— И все это привело к какому-то глобальному «опоснению».

САКС-СИМВОЛ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Алексей КОЗЛОВ:
Есть молодежь, которая терпеть не может российскую попсу так же, как мы ненавидели советскую

У нас есть и такой «Арсенал»

советский, что русский, это он, жлоб, человек малокультурный, агрессивный, совершенно вялый с точки зрения получения знаний, нетерпимый к мнениям и вкусам других и, самое главное, — конформист по отношению к власти. Это человек, который поступает, как все. Поэтому ему всегда чужд джазмен как понятие, как человек свободный, который может выкинуть что угодно и лучше уйдет в безнадежное подполье, чем будет петь пионерские песни под барабан. Джазмен не может быть приспособленцем и лезть во власть, в новые русские не может. Жанр не тот. Этот жанр родился среди свободных, независимых, бедных, самолюбивых и не имеющих никакой власти людей. Такие гиганты, как Чарли Паркер или Джон Колтрейн, они всегда были, ну, как говорят, в дерьме. Никто их никогда не

признавал по-настоящему, только в своей среде. Дюку Эллингтону вручили медаль только в 71-м году, когда ему было уже за семьдесят. Это о чем говорит? Даже в США джазмены, принесшие мировую славу Америке, не в особом почете у бюрократов.

— А почему джаз, сложная музыка — это вообще показательный момент для отделения обывателя от необывателя?

— Был момент в 60-е годы, когда на уровне масскультуры была атональная музыка — Штокгаузен, Кейдж, Лютославский. Они были популярны, поскольку тогда это было модно. Их слушали люди, которые ничего не понимали, но это был дух времени, потрясающего времени, я помню его: простые люди знали эти имена. Потом все вернулось на свои места, а в масскультуре остались Первый концерт Чайковского, полонез

— Наоборот, к разобращению. Вот мне очень жалко нынешнюю молодежь. Мне было легко быть модником при Сталине. Тогда все советские люди были одинаково одеты. Стоило надеть американский пиджак, и ты становился супермодным. На людей, которые были одеты в настоящие фирменные штотки, ходили смотреть, как на выставку. Сейчас человек думает, что он модный, а рядом идет человек, одетый совершенно по-другому, и тоже думает, что он модный. Вот хиппи — это было потрясающе! Надел ты джинсы, отрастил длинные волосы — и все! Тебя ненавидят все взрослые, свои узнают друг друга, а на улице тебя хомуты забирают только за джинсы, за одни только джинсы!

— У вас и сын в десять лет ходил в школу в джинсах и с длинными волосами...

— Да-да! Меня в школу вызывают, а я сам в джинсе прихожу и с волосами до плеч, они и не знают, что говорить.

— Не мучили его там учителя?

— Да... Он только радовался. Он такой же, как я.

— Но время вашей конфронтации с советской системой так просто не прошло. «Арсенал» не выпускали из подполья много лет. Вам не жалко этого времени?

— Так это замечательно! Мы многое упустили, конечно, но зато... такая пружина внутри сжималась, которой не было, наверное, у западных музыкантов. У нас не было аппаратуры, возможности выступать и репетировать. Но мы как-то догнали и сейчас занимаемся совершенно своей музыкой.

— Кто придет на ваш концерт, как вы думаете?

— Я думаю, что старые поклонники «Арсенала», кто увидит и у кого есть деньги на билет в «Россию». Может быть, и молодежь. Ведь мы за последнее время завоевали уже новое поколение молодежи своими рок-программами. Молодые люди приходят в клуб «Форте» постоянно. Мы играем King Crimson, YES, Jesus Christ Superstar, в новых версиях уже. И они просто открывают для себя Америку! Потому что слушают все время Филиппа Киркорова или «Мумий тролля» — это их не удовлетворяет. Есть молодежь, которая терпеть не может всю эту российскую попсу так же, как мы ненавидели советскую.

— Если говорить о музыкальных экспериментах, сейчас вы нашли какое-то равновесие?

— Да. Оно называется постмодернизм. Я отошел абсолютно от принципа фьюжн. Фьюжн — это гармоничный сплав совершенно разных элементов. Получается нечто новое, обладающее всеми свойствами компонентов плюс своим собственным. Я искал свои элементы — русскую классику, китайскую музыку, средневековую — и пытался делать из них что-то новое. Но сейчас я от этого принципа отошел. Я понял, что время этого замечательного эксперимента прошло. Наступил XXI век, время «безкусной» эклектики, которая называется постмодернизм. Это не смесь, не сплав, это некая мозаика из осколков разных культур. Я беру кусочек Вагнера, беру кусочек Орнета Коулмена, английскую песню 20-х, составляю все это вместе в совершенно нелепых прикосновениях. Одно переходит неожиданно для слушателя в другое. Это постмодернистский компот, который сейчас соответствует состоянию человека. Мы все воспринимаем кусками. Культура «начала кончатся» еще давно, когда вместо романов люди стали смотреть киноверсии, а потом уж и видеоклипы. Теперь запоминают музыку из рекламных роликов, даже клипы им теперь долго слушать, 15-секундный рекламный ролик — культура в микродозах.

— Как вам живется в этом времени?

— Я и есть человек, который ощущает время. Сейчас все приходится делать одновременно, иначе просто пропадешь, будешь бомжем, будешь тихо, спокойно лежать на помойке. А те, кто чего-то хочет, это люди деловые, занятые, попробуй заставь их что-то слушать или смотреть подолгу, вникать, читать романы.

— Теперь, когда вы собираете музыкантов, вы уже не ищете единомышленников?

— Я вообще музыкантов не ищу, они сами приходят. Я подбираю состав сейчас просто по человеческим принципам — предан ли человек музыке, не уйдет ли он работать к Сюткину или к Алсу, а такие есть. Я не осуждаю их абсолютно. Им надо кормить семью, покупать квартиры. Но остается тот, кто понимает, что он делает и ради чего. И живет на довольно скромные деньги, которых хватает на то, чтобы оплачивать мобильный телефон и компьютер. Раньше было то же самое. Сколько джазменов исчезло, пойдя на работу к советским эстрадным певцам, сколько людей кануло у Майи Кристалинской, у Магомаева, у Кобзона. Жили они прекрасно, но джазменами быть перестали.

● Екатерина БРЕЗГУНОВА